

Расшифровка аудиозаписи круглого стола, проходившего в рамках семинара ФДО ПСТГУ "**Опыт и перспективы применения сетевых технологий обучения в православном богословском образовании**".

Тема круглого стола: **Дистанционное обучение на факультете дополнительного образования Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета**

Эксперты круглого стола:

иерей Геннадий Егоров, декан ФДО ПСТГУ;
иерей Александр Добросельский, зав. кафедрой Теологии Рязанского государственного университета;
Меланина Татьяна Владимировна, зав. отделением интернет-обучения ФДО ПСТГУ;
Пенской Виталий Викторович, зам. декана по научной работе социально-теологического факультета Белгородского государственного университета;
Прутцков Григорий Владимирович, доцент факультета журналистики МГУ;
Юров Сергей Серафимович, ректор Института открытого бизнес-образования.

Свящ. Геннадий Егоров: Дорогие коллеги, давайте начнем. Сегодня у нас круглый стол, который является завершающим мероприятием двухдневной нашей работы. Вчера у нас целый день действовал семинар, который был посвящен обсуждению проблем опыта и перспектив дистанционного обучения. О результатах работы этого семинара расскажут наши гости. Главной целью его было поделиться накопленным опытом и вынести на суд коллег свои теоретические наработки, рассмотреть возможности сотрудничества и интеграции наших усилий. Я свое слово скажу чуть позже, а пока хочу попросить отца Александра Добросельского, заведующего кафедрой теологии Рязанского Государственного университета, поделиться своими впечатлениями. Вчера гостям было немного трудно, мы обрушили на них поток новой информации. А сегодня мы ждем отклика и рецензии.

Свящ. Александр Добросельский: Я постараюсь оправдать надежды отца Геннадия. Хотя каждый приезд в Москву - это встреча с друзьями, и никакой возможности подготовиться нет. Я постараюсь рассказать о своих впечатлениях. Очень часто едешь на какое-то мероприятие и думаешь, что никакой пользы не получишь. На этот раз сразу, сходу, не ожидая дальнейшего, я получил великую пользу. Так как сразу отец Геннадий изложил очень интересные принципы, которые я раньше даже не предполагал, что их можно изложить рациональным образом, хотя старательно следовал им в своей интуитивной творческой деятельности в образовательном процессе. Это принципы профессионализма, которые, как отец Геннадий отметил, одинаковы, как у разведчиков профессиональных, так и у врачей, например. Так же они существуют в образовании. Эти принципы распадаются на две части - на внешний профессионализм и на внутренний профессионализм, причем внешний и внутренний в свою очередь распадаются на ценности, способы деятельности и предметную область. Это в связи с христианской антропологией человека. Ценности – это во внешнем профессиональная позиция «возлюби ближнего своего, как самого себя», во внутреннем – возлюби Бога. Способы деятельности: во внешнем это миссия и наставничество (в любой деятельности), во внутреннем – это аскеза. В предметной области – знание и духовный мир. Выход на общение с Богом. Эта табличка позволяет о многом задуматься.

Например, как я действовал, направляя свою деятельность на студента? В первую очередь замечаешь, каков он, хорошо ли подготовлен? Если он достаточно любвеобилен, уважителен, учтив, то остается давать ему побольше предметной области, побольше знаний. Бывает наоборот: очень уже многое знают люди, но грубы, необщительны, асоциальны и прочее подобное. Сразу автоматически любая творческая личность перестраивается и понимает, что давать ему много знаний слишком уж не надо, потому что он и сам их возьмет. Он нахраписто берет их. Но именно нахраписто. И эти знания, бывает, во вред ему идут. Только для его гордости полезны бывают. Поэтому на основании этих знаний, эти же самых знаний, которые у него уже есть, попытаемся этого человека исправить. Причем, имея полные возможности для того, что бы аргументировано поставить ему ту же самую тройку, если он тебя слушаться не будет. Потому, что можно всегда доказать человеку, что эти знания, которые он уже имеет, он ими пользуется неправильно. А то, что такой подход истинен и что табличка эта нарисованная верна, доказательством тому служит то, что Господь всегда дает такую возможность. И творческий процесс идет с живым ощущением присутствия Божия, при этом начинаешь быть соучастником этого педагогического процесса, понимая, что через тебя действует не какая-то философия, а нечто живое и действенное. Но, если при профессиональной подготовке теолога во внешней среде, в том столбике, который относится ко внешнему профессионализму, там все более или менее понятно. Потому что это очень часто связано с методикой, с методологией, с техническим, например, оснащением, если мы говорим о дистанционном обучении. Но, когда мы говорим о внутреннем профессионализме, здесь все сложнее, здесь нужно найти некий принцип, некий универсальный принцип, который дал бы возможность действовать. Этот принцип - он есть. Я постараюсь разъяснить. Каждый священник знает, что на исповеди часто бывает (ну у кого-то часто, у кого-то — нет) такое интересное явление. Приходит какая-то очень верующая девушка, парень или даже женщина уже в зрелом возрасте и говорит: «Батюшка, знаете, я вот очень стараюсь все заповеди исполнять, очень стараюсь, прямо выбиваюсь из сил и вдруг чувствую, что чем больше я стараюсь их выполнить, тем более мертвой я становлюсь. Я чувствую, что я умираю. Что я не живу, а просто выполняю свои обязанности». Не знаю, понимает ли меня аудитория в настоящий момент. Я очень часто задумывался об этом, почему так получается. Потом вспомнил, что у меня тоже был такой период некоторое время. Я попытался разобраться, в чем же причина этого ненормального состояния. Раз человек дает сигнал тревоги, значит, действительно, есть о чем задуматься. И по долгом размышлении, я пришел к выводу, что здесь, при такой христианской жизни есть некий существенный недостаток, есть нетворческий подход к своему существованию. Вот вчера был приведен очень интересный пример про то, как некоему молодому человеку задали такую задачку - с помощью барометра определить высоту многоэтажки. Почти все, конечно же, будут измерять давление ртутного столба. А некоторые предлагают просто-напросто сбросить барометр с крыши этого небоскреба и по времени засечь, какая же у него высота. А другие предлагают подойти к администратору и сказать: «Я вот вам дарю барометр, а вы скажите мне высоту этого небоскреба». Здесь мы видим творческий подход, неординарный подход.

Или вот еще пример. Я вот не естественник, и мне бывает очень трудно с определением, что такое задача, что такое цель. Мы сейчас с вами вместе разберемся. Вот ребенку дается вводная от родителей: «Иди, купи булочку». Это задача или цель? А? Задача. И ее нужно решить. Или цель все-таки? Ну ладно, не важно, потом обсудим. Но ребенок идет за булочкой, и если он будет иметь только это ввиду, что ему нужно купить эту булочку, будет ли он жить все это время, пока он идет в магазин и обратно? Не будет, да? Его жизнь заключается в этот момент не в том, что бы купить булочку, а, чтобы, идя за этой булочкой в магазин, подышать свежим воздухом, посмотреть, как кошки бегают вокруг, какие цветы растут. Посмотреть на людей. Подумать о чем-нибудь, о чем ему есть возможность подумать, пока он идет в этот магазин. Часто, когда мы ходим в магазин или

едем в автобусе, и, если вдруг начинает реклама работать в автобусе, или телевизор нам поставят, мы раздражаемся, потому что мы не замечаем, что мы используем это время для того, что бы подумать, привести себя в порядок, поразмышлять о жизни. Следовательно, во время покупки этой булочки происходит некий творческий процесс жизненный. И если бы его зачеркнуть, то получается некая мертвенность, некая смерть. Какая-то творческая смерть человека.

Есть еще пример. Жили-были два парня. Учились в школе вместе, закончили школу, вместе поступили в одно и то же духовное училище, его закончили. Оба с красным дипломом. Дали им приходы. Пусть даже в соседних селах. Ни в одном, ни во втором нет храма. Один строит храм в стиле, скажем, нарышкинского барокко, другой – в неоклассицизме. Почему так происходит? И осудит ли Бог одного или другого за то, что они построили храмы в противоположном стиле? Нет. Просто они проявили творческий подход. И в этом проявили свою свободу. Вот что интересно: когда они строили эти храмы, они получали удовольствие не только оттого, что они храм строят, а что именно такой строят храм. Именно в классическом стиле или в стиле нарышкинского барокко. Следовательно, творчество в рамках дозволенного, а под дозволенным мы подразумеваем заповеди Божии в первую очередь, конечно же, потом нужно добавлять конечно же догматику, нужно добавлять правила святых апостолов; это все вместе – заповеди Божии. Творчество в рамках, заповеданных Богом, в рамках заповедей, именно творчество дает человеку возможность проявить свою свободу, иначе его свобода как бы мертва. Я не знаю, может быть, я в какую-то ересь впадаю в данный момент... То, что я говорю правду-истину, я постараюсь подтвердить Священным Писанием, без этого никак нельзя. Вот вчера был приведен такой пример: Моисей (уж кто-кто) выполнял все так, как Бог ему велел. Один раз ошибся, за это не вошел в землю обетованную. Однажды он сидел, грустил по поводу того, что он не в состоянии нести это послушание во всей его полноте, а к нему подходил народ, выстроившись в огромную длинную очередь (какую я примерно видел сегодня на кольцевой Комсомольской площади). И, когда к нему пришел его тесть и увидел и сказал: «Что ж ты делаешь, Моисей? Разве можно так судить народ? Посмотри, какая очередь! Выбери судей, тысяченачальников, стона начальников». И Моисей действительно так поступил, и здесь проявился именно творческий подход. Здесь не Бог сказал Моисею, но его всего лишь тесть, который полужызычник фактически был. Был проявлен явный творческий подход. Дальше. Апостол Павел, который путешествовал, не сказать, что бы не по воле Божией. Путешествовал с проповедью везде, где ему хотелось, в то же самое время не нарушая волю Божию. И Бог вмешивался только в некоторых случаях: то указал, что нужно идти в Македонию, то не пустил еще в некоторые места. Следовательно (я возвращаюсь к нашей теме), творчество в любых жизненных ситуациях – это принцип, который должен быть положен, на мой взгляд, во главу угла во второй столбик этой самой таблицы: в формирование профессионализма внутреннего. Это круглый стол, и, конечно же, я не утверждаю, не говорю как аксиому, а всего лишь как мое предположение. При дистанционном ли обучении, при заочном, обычном обучении, либо при очном обучении. Конечно, трудно участникам стола, которые не были вчера, сообразить, к чему все это говорится, но я еще раз подчеркну, что бы было яснее. Внешний профессионализм формируется легко, как и вообще все внешнее. Внешнее вообще все легко формируется. Для этого существуют какие-то приемы, принципы, технологии, инструменты. Как внутренний профессионализм сформировать у человека, который уже имеет высшее образование, уже лет тридцати или более и находится еще, вдобавок ко всему, на расстоянии? Только спрашивать информацию, это уже не интересно, потому что человек в тридцать лет уже не хочет просто зубрить. Ему необходим творческий подход. Поэтому необходимо обязательно решать некие совместные творческие задачи на расстоянии, используя, конечно же, знания, не забывая о том, что мы даем знания. И для того, что бы творческий подход проявлять тому, кто сидит в университете, на этом конце провода, необходимо иметь профессионализм внутренний

по всем трем пунктам. Во-первых, возлюбите Бога, что, конечно, громко сказано, но хотя бы немножко Его нужно возлюбите, что бы беседовать с человеком на той стороне. Потом - хоть немного быть аскетом, ну хоть в чем-то воздерживаться, ну, не жениться три раза, например, хотя бы, да? Или не объедаться на ночь. Не курить. Что бы можно было посоветовать человеку, как выйти из какой-то сложной ситуации, из которой можно выйти только с помощью аскезы. И третье – предметная область, духовный мир: хорошо ориентироваться в духовном мире. Не только изложить информацию, но и объяснить, где именно в духовной области бывают ошибки, и как их избежать. Ну, вот. Не знаю, далеко ли я ушел от темы, но каждый человек со своей колокольни, что называется... Мыслительный процесс пошел, сразу начал решать свои проблемы... Может быть это не совсем то, что хотел услышать отец Геннадий, но то, что хотелось мне сказать, я сказал.

Свящ. Геннадий Егоров: Отец Александр, вы сказали замечательно, большое вам спасибо. При чем так, как, наверное, никто из нас и сказать не смог бы. Это очень ценно и меня очень радует, что-то, о чем мы вчера говорили, было не просто записано в блокнотик и отложено, а вошло в живую ткань Вашей работы. Единственно, я хотел бы для собравшихся пояснить немножечко предысторию. Как это связано с дистанционным образованием? Дело в том, что если мы поставим упор именно на слово образование, то обнаружим, что очень часто, когда речь идет об образовательном проекте, об образовании, слово «образование» фигурирует только в заголовке. А дальше все сводится к обучению. В чем разница, я думаю понятно: учат чему-то конкретному - навыкам, умению. Образовывают – кого-то, то есть формируется сам человек. И для нас было важно построить какую-нибудь опорную схему, с помощью которой можно было бы рефлексировать вот этот процесс. То есть, преобразуется ли сам человек в процессе приобщения к культуре, которая является содержательной стороной процесса образования? И если да, то какова роль образовательного учреждения в этом процессе? Или это стихийно, и никак нами не отслеживается, мы не обращаем внимания. То есть, грубо говоря, мы учим метко стрелять, а в кого стрелять, когда стрелять – это уже проблемы стрелка, а не наши. Поскольку мы считаем, что это наши проблемы, то соответственно мы должны каким-то образом в программу своей деятельности включить хотя бы отслеживание этого параметра, если не активное на него влияние. И мы предложили некоторую схему, и, кажется, отцу Александру она понравилась. Верно я излагаю?

И когда такая схема есть, мы уже можем выходить на те требования к образовательному процессу или к образовательной среде, которые вытекают из наших самых общих теоретических представлений. Почему ценно сделать это именно в области теологического образования? Потому что она шире, чем область гуманитарного образования. Если гуманитарное образование подразумевает только науки о человеке или человеком порожденные, то теологическое образование включает в себя и какое-то знание о духовном мире, то есть оно шире по своему предмету. Поэтому если мы концептуально решаем эту задачу в области теологического образования, то, в общем-то, в области гуманитарного она решается потом путем редукции. И в этом смысле современные попытки опять лишит теологическое образование статуса отдельного, самостоятельно существующего, и включить его внутрь гуманитарного – внутрь философии, внутрь чего-то еще, это совершенно не правильно. Потому что это будет, в какой то степени обеднение самого гуманитарного образования, выбивание из под него фундаментальной платформы.

Я позволю теперь себе взять слово и сказать о некоторых практических выводах, которые были нами, сделаны, исходя из той концепции, которую сейчас озвучил отец Александр, что бы показать, что это не просто какие-то поповские отвлеченные размышления, а это имеет вполне конкретный практический выход. Я не буду сейчас говорить обо всех

требованиях, которые на наш взгляд вытекают из этой концепции, а скажу только о тех, которые, на мой взгляд, вступают в противоречие с общепринятыми, касающимися именно дистанционного образования. Мы вчера кроме всего прочего обсуждали еще специфику дистанционного образования относительно классических его форм, но сейчас я этого касаться не буду, а коснусь тех требований, которые должны быть предъявлены к образовательной среде еще на стадии ее формирования.

Я еще позволю себе небольшой исторический экскурс дать и сказать, что теоретическое осмысление пришло к нам из опыта, который накапливался за счет того, что у нас в университете была внедрена на наш взгляд удачная, хотя и несколько, может быть, дорогостоящая система «Виртуальный университет», осваивать которую мы начали будучи совершенными дилетантами в области дистанционного образования. Потом нам сильно помогло то, что мы сразу же отказались от практики внедрения отдельных дистанционных курсов, потому что опыт некоторых других вузов показывает, что с этой точки сдвинуться бывает очень сложно. То есть мы сразу предложили большую программу на 980 часов, и сама необходимость реализовывать именно не отдельные курсы, когда человек пришел, поучился и ушел, а программу, она поставила перед нами вопрос осуществимости образовательных задач, а не только учебных в дистанционной среде. Кроме того, удачно совпало, что эти технологии мы стали применять именно в области профессиональной переподготовки, то есть там, где слушатели уже взрослые. Поэтому с одной стороны они достаточно хорошо мотивированы по сравнению со студентами юными, а во-вторых, у них достаточно высокий уровень рефлексии, то есть они сами становятся соучастниками разработки этого проекта. И новый опыт, который достаточно быстро накапливался (а мы не сопротивлялись этому накоплению), потребовал теоретического осмысления. Потому что иначе это был бы не систематизированный архив различных опытных данных, с которыми потом сделать бы было ничего нельзя. И в результате, сформулировав некоторую концепцию, мы определили самые общие требования к разработке системы дистанционного обучения.

Система дистанционного обучения должна быть частью образовательной среды и, можно так сказать, ее технической платформой, которая образуется (и это не наша мысль, а мысль профессора Слободчикова) при пересечении двух деятельностей или, точнее сказать, при встрече двух деятелей: это тот кто образует, и тот, кто образуется. То есть образующий и образующийся. И в момент их встречи в этой образовательной ситуации и начинает формироваться и образовываться образовательная среда. То есть она не существует сама по себе. И образовательная среда должна выстраиваться как ресурс совместной деятельности. Поэтому первое требование к системе дистанционного обучения – она должна обеспечивать коммуникацию, и чем более тесную, тем лучше. Потому что все-таки главная и неискоренимая специфика дистанционного обучения – это отсутствие прямого личного общения. То, что называется «глаза в глаза». Этого нет по самому принципу дистанционного обучения, потому что это обучение в ситуации, когда учащийся и преподаватель разделены между собой: местом, временем, чем угодно. Они не связаны. И это самая большая проблема, которую надо решить. Поэтому чем более совершенные средства коммуникации будут использоваться, тем лучше. Понятно, что здесь есть и критерий стоимости, технических возможностей, но стремиться нужно именно к этому, во-первых.

Во-вторых, совершенно очевидно, что система должна иметь возможность адаптации, то есть структурирования в соответствии с целями и задачами обоих участников. Как учащегося, так и того, кто учит. Я меняю термин (образующийся - учащийся), что бы не мучить вас непривычными словами. Я буду играть немножко – «преподаватель и учащийся», подразумевая под этим именно «образующий и образующийся», удерживая этот смысл. Я подчеркну: то, что система должна адаптироваться к потребностям учащегося – это признается, как правило. А то, что она должна адаптироваться и к тому, кто учит – вот это часто забывается. А ведь это тоже индивидуальность, это тоже

личность. И более того, преподаватель сам входит в образовательный процесс с какой-то целью, он сам должен из него чего-то вынести, сам в нем меняется. Преподаватель, который входит и выходит из него без перемены в каком-то смысле не квалифицированный, не профессионал. Потому что преподаватель меняется вместе с тем, кого он учит. И раз так, то под некоторый вопрос ставится общепринятое представление о месте, как сейчас говорят, профессора и тьютора в системе дистанционного обучения. Потому что профессор что-то сделал и, предполагается, отошел от системы. Тьютор к ней подошел, но он не может ничего менять и никакие черты своей индивидуальности он туда вносить не может, потому, что он определен уже тем, что сделал профессор. И здесь есть над чем всерьез поразмышлять. То есть: правильно ли это - то, что выросло из технологии и практики, правильно ли это с точки зрения конечных целей образования?

Следующий пункт, который я хотел отметить, это то, что объединение этих вышеуказанных требований должно давать возможность преподавателю адаптировать структуру ресурсов к личным особенностям и запросам учащихся. Казалось бы: что нового я сказал, по сравнению с тем, что прозвучало до этого? Но, тем не менее, я сказал нечто новое. Почему? Потому, что традиционно декларируется в рекламе различных образовательных структур, что учащийся сам может выбрать себе траекторию обучения, учащийся сам определяет набор необходимых предметов. То есть учащийся сам адаптирует систему по отношению к самому себе. Ну, понятно, он представляет себе свои личные особенности, в отличие от преподавателя, он знает, что он хочет, и он к себе адаптирует систему. Казалось бы, все здорово.

Но. Необходимо удерживать в сознании образовательный смысл. Скажем, я хочу научиться забивать гвозди – вот, мне нужен курс по забиванию гвоздей. Это понятно. А вот когда человек приходит именно с целью получения образования, то образ того, кем он должен быть на выходе, для него, как правило, довольно смутный. Мы фиксируем даже определенные фразы, которые эти смутные образы выражают, то есть, когда человек произносит эту фразу, мы уже примерно знаем, что ему на самом деле нужно. Но он сам этого еще не знает. Главное, что мы ему не можем в этот момент сказать, потому что он еще не готов это воспринять именно в силу текущей ситуации его развития. Поэтому в этот момент не учащийся должен сформировать свою программу, потому что тогда он сформирует ее под свой сегодняшний потолок, и выше него не прыгнет. А тот, на ком лежит задача образования, вот он должен сказать: «Ты знаешь, давай сделаем вот так и вот так, и ты увидишь, что получится хорошо». Таким образом, нет ничего страшного, если мы ограничиваем учащегося в свободе его выбора в силу того, что он еще не вполне владеет этой информацией, то есть он не может себе сам четко поставить задачу своего развития.

Если бы это было не так, то не нужны были бы режиссеры, тренеры и так далее. Каждый человек, вот он родился и начинал бы сам себя развивать. Хотя, в принципе, идеальная ситуация расставания с образовательным учреждением именно та, когда человек уже достаточно профессионален. И в этом смысле мы и говорили о внутреннем профессионализме, когда к своему внутреннему миру, внутреннему состоянию развития человек тоже относится как хозяин, как распорядитель, как тот, кто способен его преобразовывать в каком-то нужном направлении. Который и там может ставить какое-то верное целеполагание.

Таким образом, под вопрос ставится этот традиционный рекламный лозунг о полной свободе выбора траектории при модульном обучении. К этому выводу мы пришли, столкнувшись на практике с тем, что, вроде бы, во всех книгах по педагогике написано, что это хорошо, а у нас не идет. Почему-то что-то в нас вызывает сопротивление такому подходу: дать возможность перетряхнуть учебный план как угодно. Все-таки, совместно с учащимся ставится цель, и определяются задачи образовательного процесса.

В этой связи, последнее, и, может быть, наиболее скандальное за сегодняшнее мое выступление утверждение, которое касается структурированности учебного содержания,

или, как его называют, «контента». Дело в том, что, конечно, когда дистанционный курс представляет собой аналогию, скажем так, пакета заданий для заочника, которые просто пересылаются с помощью электронных средств, то тогда эта структурированность содержания, может быть, является единственным образующим фактором. Если же образовательная среда, и, в частности, система дистанционного обучения, выстраивается по тем принципам, про которые мы говорили, то это жесткое требование на обязательное четкое структурирование контента, разные траектории его исследования и так далее уже не играют решающей роли.

Почему? Потому что сама ситуация неструктурированности содержания может быть использована как ситуация учебная. То есть учебный процесс может строиться на том, что преподаватель вместе с учащимся работают над структурированием этого учебного содержания. И получают от этого пользу не меньшую, чем от хождения по кем-то заранее проложенным тропам, тем более что все равно невозможно проложить тропы во всех направлениях. Если они будут проложены во всех направлениях, то это будет просто вытоптанное пространство, там не останется уже ничего. А заранее предсказать, какова будет индивидуальность учащегося, все-таки достаточно сложно.

Таким образом, решается еще одна проблема. Я думаю, что те, кто занимается вопросами образования, прекрасно ее понимают. Ведь очень часто существует разрыв между содержанием образования и современным состоянием общества, науки, культуры.

Почему? Потому что четко структурированное содержание всегда в музее, в кунсткамере. И поэтому, как правило, образование в его классическом традиционном виде имеет вид позавчерашних знаний, которые уже пережеваны, рассортированы, разложены по коробочкам, а сегодняшнее знание, сегодняшняя культура - она живая. И поэтому часто еще не поддается систематизации. И в результате получается вот такой отрыв, исключительно за счет того, что мы требуем обязательно, априори структурированности учебного содержания.

Если же мы переносим акцент на совместную деятельность, то мы вполне можем использовать и самые современные мысли, идеи, наработки, не теряя образовательного результата конечного, не теряя качества.

Это не значит, что вообще не должно быть никакой структуры. Это не значит, что можно обходиться вообще без учебного содержания. Я просто подчеркиваю, что безусловное, категорическое, априорное требование, что контент может быть только такой, такой и такой, может быть поставлено под вопрос. И опять же, это положение сначала на опыте нами опробовано, а потом уже вынесено в качестве теоретического постулата.

Мы надеемся и планируем, эти свои итоги и соображения в какой-то момент опубликовать, потому что представляется, что они интересны, и может быть, какую-то пользу тем, кто занимается развитием образования, могут принести.

Я думаю, что сказал уже вполне достаточно. Даже этих итогов уже достаточно, чтобы оправдать нашу общую встречу.

Поскольку нас тут не так много, и наш круглый стол можно рассматривать и как пресс-конференцию, а всех присутствующих - в качестве участников круглого стола, может быть, какие-то появились у вас вопросы и недоумения по поводу того, что мы здесь сказали?

Или сразу осмыслить это сложновато? Ну, пока вы думаете, я, с вашего позволения, предоставлю слово нашему уважаемому гостю, Григорию Владимировичу Прутцкову, это доцент факультета журналистики МГУ.

Прутцков Г.В.: Спасибо. Я, помимо того, что сказал обо мне отец Геннадий, еще и студент факультета дополнительного обучения. Мне особо интересно было слушать вчера выступления, и то, что я сейчас скажу, связано не только с моими профессиональными наработками, а и с мнением как студента. То есть у меня одновременно взгляд изнутри и взгляд снаружи.

Что касается темы вообще дистанционного обучения, мне кажется, что здесь есть очень много недосказанностей, очень много мифов. В чем это выражается? Прежде всего, нет никакой грамотной образовательной позиции (я не говорю о Свято-Тихоновском университете, я говорю в общем). Никто толком не знает, что такое дистанционное обучение. Я проводил такой эксперимент: спрашивал, студентов, преподавателей, спрашивал людей с высшим образованием, спрашивал прихожан храма, в который я хожу. И только один человек примерно из ста мне смог грамотно объяснить, что такое дистанционное образование. Причем, я спрашивал не где-то в сельской местности, не в деревне, а в центре Москвы.

Многие воспринимают дистанционное образование как какой-то вид заочного обучения. То есть дается какой-то курс, его нужно выполнить. Когда ты выполнишь, сдашь зачет письменно или устно, то переходишь к следующей теме.

На самом деле, дистанционное обучение, которое предлагает Свято-Тихоновский университет, предполагает очень жесткий график. Я даже могу сказать, что это более жесткий график, чем дневное обучение на факультете журналистики МГУ. На дневном отделении я читаю лекцию раз в неделю, раз в неделю веду семинар. За время семинара сколько я могу студентов опросить? Так, чтобы услышать грамотные ответы по всем вопросам, которые поднимаются на семинаре. Ну, может быть, от силы, полгруппы, это в лучшем случае. Дальше идет следующая тема. Получается, что, по меньшей мере, полгруппы остается неохваченной.

Дистанционное обучение предусматривает какой график? Здесь дается тема. На изучение темы, на ответы, дается три дня. После этого идет следующая тема. Один день – воскресенье – выходной. Дальше идет следующая тема. И вот такой плотный график идет дальше. Если ты опоздал, пропустил, что-то не сделал, то очень сложно нагнать, по крайней мере, нужно дополнительные силы прилагать.

Дистанционное обучение построено таким образом: есть три уровня. Во-первых, это самостоятельная работа студента, для чего даются, как вчера было представлено, различные оцифрованные учебные пособия на сайте. Затем, обучение один на один с преподавателем, когда даются вопросы, студент на них отвечает, и преподаватель не просто ставит оценку, а пишет, например: «пожалуйста, еще дополните», если чего-то не хватает, что-то не так... То есть не просто в режиме «да-нет» или «зачет-незачет», а в режиме реальной дискуссии студента с преподавателем.

И, наконец, в-третьих, горизонтальная работа, что достаточно редко для современного образования: работа студентов друг с другом в группе. Преподаватель поручает сделать доклад студентам, и, допустим, разбивает курс на небольшие группы по три-четыре человека. Делается доклад. Он посылается преподавателю, преподаватель дает свою оценку, затем студентам предлагается сравнить между собой доклады разных групп. То есть вот эти разнообразные формы делают дистанционное обучение очень эффективным, и даже более эффективным, чем обучение на дневном отделении. Именно потому, что преподаватель на дневном отделении просто не имеет физической возможности так подробно со всеми разговаривать, оттачивать ответ каждого, пока он не будет оценен на отличную или максимально высокую оценку.

Например, я делал доклад в группе. Студентов при дистанционном обучении разделяет не только расстояние, они не видят друг друга, тут нет общения глаза в глаза, как сказал отец Геннадий. В группе, где я учился, был один студент из Канады, был студент из Иркутска. Такая разница в 12 часовых поясов, она, конечно, осложняла процесс, но, тем не менее, я не видел никаких реальных сложностей, чтобы кто-то из-за этого не мог что-то сделать. И вот мы сделали этот доклад, доклад был послан, были сделаны замечания, которые были учтены и так далее. То есть, работа очень эффективная. Причем я в этот момент находился в командировке в Петербурге, и был старшим в группе, и каким-то образом пытался руководить деятельностью этой маленькой группы.

Что касается Московского университета, то в МГУ дистанционное обучение развито

крайне слабо. Это шесть факультетов, которые предлагают некоторые формы дистанционного обучения. Речь не идет о какой-то стационарной форме, подобной заочному или дневному обучению. Это просто отдельные курсы, в основном подготовительные, или отдельные дисциплины. Это геологический факультет, факультет фундаментальной медицины и еще некоторые. Но, тем не менее, дистанционное обучение, насколько я выяснял, мало популярно. Что касается факультета журналистики, то еще десять лет назад наш декан сказал, что нужно нам разработать дистанционное обучение журналистов, но за десять лет мы, практически, нисколько не продвинулись. Это связано как с объективным фактором, так и с субъективным. Нет программ, нет разработок, нет энтузиастов, как отец Геннадий и его помощники, которые бы этим занимались. Что еще? Вчера поднимался вопрос и о духовном уровне, то есть в процессе реального обучения возможно ли как-то контролировать или, по крайней мере, видеть духовный уровень студента? И высказывалось мнение, что в процессе сетевого обучения это невозможно. С этим позволю себе не согласиться, все-таки, духовный уровень студента виден. Например, вопросы. Здесь предлагается не просто ответить на вопросы, есть еще и темы для обсуждения в классе. И темы для обсуждения, как правило, шире, чем просто вопросы. Эти темы затрагивают не просто эрудицию студента, а действительно, его культурный, духовный уровень. Я помню, допустим, отец Геннадий предлагал вопрос при изучении неканонических книг Ветхого Завета: сохранилось ли пророческое служение до наших дней? Была очень бурная дискуссия студентов, и было видно, кто какими оперирует книгами, или какими-то мифами, апокрифами, или просто прочитанными малоизвестными фактами и так далее. Конечно, о духовном уровне здесь можно говорить, и он виден.

Опять же вопрос, который тоже вчера поднимался: возможен ли подлог. То есть человек, который учится, заявлен один, а на самом деле за него кто-то еще выступает. Или, допустим, матушка вместо священника, как говорили, или просто какой-то недобросовестный человек. Помимо того, что непонятно, зачем это нужно, можно сказать, что стиль студента все равно виден. Ведь это не просто ответы на вопросы, это действительно дискуссия, доклады. За те два месяца, что длился, в частности, курс Ветхого Завета отца Геннадия, уже видно, что у каждого человека своей собственный стиль, свой менталитет. Я замечал по именам однокурсников, кто, допустим, высказывал глубокие суждения, а кто, наоборот, общими словами ограничивался. И если разные люди будут под одним именем, то это сразу видно, что не тот человек отвечает. Причем интересно, что яркий стиль проявляется не только у студентов, когда сразу видно, кто чего умеет, но и у преподавателей, хотя реального физического общения с ними нет. По стилю видно, кто как преподает, допустим, стиль отца Геннадия отличается от стиля преподавателя по Православному вероучению Ивана Ивановича Улитчева. Когда начался новый предмет, сразу стало видно, что у него совершенно другой метод, другой стиль, и он к тому же преподавал из Ростова-на-Дону, вот опять же плюсы дистанционного обучения. В Московском университете невозможно такое представить, чтобы студенты сидели, а им бы читал лекции, или хотя бы даже приезжал на одну лекцию преподаватель из дальнего города.

Но и для тех, кто живет в Москве или недалеко от Москвы, возможна встреча, и отец Геннадий регулярно приглашал по субботам на богослужения, которые заканчивались чаепитием. К сожалению, мне не удалось на эти встречи выбраться, хотя несколько раз я с отцом Геннадием встречался и общался.

Дистанционное обучение требует мобилизации от студента, потому что это обучение действительно почти как дневное. Оно, конечно, не столько времени занимает (с утра и почти до вечера), но, тем не менее, два – три часа в день – это минимум того, что требуется. И редко когда удается свободный день выкроить. Только если один день особо, часа четыре, посидишь за компьютером, то на следующий день можно отдохнуть, если не придет ответ от преподавателя, что не так ответил, вопрос требует доработки, или ответ

совершенно не в той плоскости. Вот если ты все грамотно сделал без всяких претензий, то, конечно, можно один-два дня себе свободных организовать. Но, все же, обучение требует мобилизации, ночной работы, и не только студентов, но и преподавателей. Допустим, я, часто засиживаясь за ответами, встречал ответы отца Геннадия, которые были посланы в два часа ночи, в три часа ночи. То есть мобилизация обоюдная с разных сторон баррикад.

Вот это то, что я хотел сказать по поводу вчерашней дискуссии.

Теперь, если вы еще не утомились, вторая часть моего выступления посвящена необходимости пропаганды дистанционного обучения. Нужно его рекламировать, и не только в Свято-Тихоновском университете, а вообще – рассказывать, насколько это обучение уникальное, новое и имеет, я считаю, очень большое будущее.

Как рекламировать? Вот нам раздали эти проспектики, это замечательно, поскольку здесь подробно все написано. Есть отсылка на сайт, перечислены конкретные предметы, продолжительность курсов. Но опять же, здесь даже не сказано, насколько это обучение требует мобилизации студента. Может появиться такое впечатление: раз в неделю пришел, что-нибудь ответил и отдыхаешь.

Я, допустим, узнал, что есть такое обучение, от моей жены, которая профессионально занимается Интернетом, она уже лет пять или шесть учится в дистанционной школе менеджмента. И вспоминает об этом примерно раз в год, когда ей приходит поздравление с днем рождения от руководства этой школы. Она тут же спохватывается, начинает какие-то задания выполнять, отправляет их. Потом через несколько дней дела житейские уносят ее от этого обучения, и где-то через год она опять вспоминает об этом.

Вот она и представляла, что дистанционное обучение в Свято-Тихоновском университете примерно такого же уровня, такой же насыщенности, как в этой пресловутой школе менеджмента. Из этого проспекта непонятно, что учеба требует ежедневных двух-трех-часовых занятий, а это очень важно для тех, кто хотел бы учиться дистанционно.

Меланина Т.В.: Мы всех напугаем.

Прутков Г.В.: Конечно, может быть, я и не решился бы на учебу, если бы знал, что так будет...

Меланина Т.В.: А так уже втянулись.

Прутков Г.В.: Да, втянулся, и уже... с одной стороны интересно учиться, с другой стороны – интересно, что дальше будет, с третьей стороны – деньги заплатил. То есть тут много разных факторов, которые притягивают. Если это такой педагогический прием, то я считаю, это интересный прием, но информация все равно неполная.

Возьмем этот семинар, который сегодня и вчера проходит. Я встретил информацию, о том, что он будет, только на сайте «Седмица» за три дня. Было бы интересно его разрекламировать более широко хотя бы на православных сайтах, может быть, пришло бы больше журналистов, которые об этом бы написали, не только православных, но и светских.

Надо подать дистанционное обучение как обучение уникальное, не имеющее аналогов не только в православном образовании, но и, по большому счету, вообще в отечественном образовании. Если пойдет много народу, и возможности будут ограничены, ну что ж, устроить конкурс.

Меланина Т.В.: Конкурс уже есть.

Прутков Г.В.: Конкурс сейчас есть, но опять же, конкурс какой? Вот, сдают тест по основам Православия. Но это, как ни странно, кот в мешке. Я, когда сдавал этот

вступительный тест, по итогам которого ставится какое-то количество баллов, и, если человек набирает меньше определенного количества баллов, то он не поступает. Ему предлагают пройти курс «Основы Православия» – изучить азы православия. Опять же, я не знал, какого уровня этот тест. Моя жена говорила: «Ну что ты, давай, пройди, что ты, не знаешь, как свечку в храме ставить, «Отче наш...» прочесть?» А я хотел подготовиться, прочитать книги... А она: «Ну что там может быть серьезного? Дистанционное обучение!» И в результате я сел, и с наскока, что называется, получил низший бал, тройку, еще бы несколько баллов меньше, и меня бы не взяли. Это тоже отсутствие информации, говорившей о том, что здесь действительно серьезное обучение, которое требует реальной, даже доучебной подготовки.

Надо объяснять потенциальному студенту, что его ждет. Чтобы он знал, что это не заочное обучение, а, по сути дела, аналог дневного обучения.

Может быть, предлагать интересующимся лицам, как делают многие ВУЗы, день открытых дверей, когда студент потенциальный может пойти посмотреть кафедры, лаборатории, поговорить с профессорами, покажут какой-нибудь фильм о факультете и так далее. Может быть, аналог дня открытых дверей устроить, допустим, на несколько часов разрешить доступ абитуриентов в сеть, показать им, как студенты занимаются, как проходит открытый чат-семинар. Не принял участия, но хотя бы просто посмотрел. Посмотрел, какие вопросы задаются, как студенты отвечают. Когда предмет заканчивается, преподаватель открывает все вопросы, и студенты могут уже посмотреть, что, кто, на какие вопросы ответил, какие трудности, какие комментарии преподавателя. Чтобы потенциальный абитуриент мог посмотреть, хотя бы на примере одного-двух предметов, что его ждет.

Или открытые электронные уроки, например. Хотя бы, может быть, даже для журналистов. Например, провести презентацию дистанционного обучения, чтобы журналист мог на один день посмотреть, подключиться к чату. Допустим, эти буклетики можно распространять в ВУЗах, в православных храмах. Может быть, есть смысл выпустить какие-то афиши или плакаты примерно такого же содержания.

Я проводил опрос в сообществе живого журнала «Орто-Медиа», где случайных людей практически нет. Там православные журналисты, как правило, люди, сочувствующие православию. Вопрос был задан с подвохом, мы вместе с женой его проводили: «Где можно получить православное дистанционное обучение?» И только один из участников этого сообщества, среди которых были семинаристы, студенты, православные журналисты, студент Свято-Тихоновского университета, неуверенно сказал, что есть, кажется, в Свято-Тихоновском дистанционное обучение. Остальные приглашали пойти на заочный сектор семинарии в Троице-Сергиеву Лавру, или на какие-то курсы. То есть даже у людей, которые имеют профессиональное к этому отношение, из достаточно узкого профессионального православного сообщества, практически нет понимания разницы между заочным и дистанционным обучением. Не говоря уже об информированности о дистанционном образовании, которое здесь в ПСТГУ предлагается.

Допустим, к нам приходила в гости журналистка из журнала «Нескучный сад», которая в свое время закончила факультет журналистики, и я ей показывал, как я дистанционно обучаюсь, и она была просто изумлена. Она не представляла, что это такое. Она пыталась отвечать на вопросы, она настолько заинтересовалась, и говорила: «Надо же, ведь это абсолютно неизвестная вещь!». А ведь это столичный достаточно известный журнал. Даже для журналистов никакой информации, никакой известности.

Необходимо давать рекламу в православных журналах. Если это дорого, есть разные подвохи. Например, можно послать в журнал письмо. Почти в каждом журнале есть рубрика «Вопросы и ответы». Послать письмо от имени какой-нибудь девушки православной или юноши: «Где я могу получить православное дистанционное образование?» Естественно, что журналисты начнут искать ответ, и, естественно они наткнутся на сайт Свято-Тихоновского университета, поскольку больше им предложить

нечего. И встанет необходимость об этом написать. Таким образом, это такая реклама будет ненавязчивая, и ничего нечестного в такой рекламе, я считаю, нет.

Тоже самое касается светских периодических изданий. Есть много журналов, в частности, «Обучение и карьера», который продается почти бесплатно за символические деньги. Он также формируется во многом из вопросов читателей о том, где можно получить тот или иной вид образования. И журналист уже начинает искать. И если в такие журналы послать такие вопросы от разных людей, допустим, можно обязать студентов, абитуриентов, не знаю, в качестве послушания, есть разные варианты. И журналисты просто вынуждены будут узнать что-то о православном сетевом образовании. Речь не о полноценной PR-службе, хотя в перспективе, может быть, и нужно создать такую службу или отдел, который бы занимался пиаром дистанционного обучения не от случая к случаю, а целенаправленно. Это, конечно, как мне кажется, принесет свои плоды.

Нам вчера отец Геннадий раздал отзывы выпускников, первых студентов. Какие у них мысли, что они предполагали, и что оказалось, какие трудности у них были. Если, допустим, собрать рассказы. У нас каждого студента отец Геннадий просил тоже составить такой рассказ: откуда я узнал, как я поступил на дистанционное обучение? Вот если такие рассказы собрать, и, может быть, разместить их на сайте. Чтобы люди знали, как прийти к дистанционному обучению. Самые интересные рассказы.

Дистанционное образование сложно еще и тем, что здесь нет каких-то постоянных величин, по крайней мере, в богословском образовании, в гуманитарном образовании. Может быть, дистанционно преподавать математику или физику легче, так как там все более устоявшееся. А здесь преподаватели постоянно вводят что-то новое – вопросы, задания для студентов. И конечно, православное дистанционное образование - это своего рода миссионерство, безусловно. Мы можем действительно говорить о миссионерской деятельности. Не знаю, кто бы решился у нас на ф-те журналистики МГУ так самоотверженно как отец Геннадий и его коллеги работать, столько времени этому уделять, разрабатывать программы, ночью отвечать на вопросы, подбадривать студентов. Вот, например, отец Геннадий нам давал такой вопрос: почему мы не празднуем прообразовательное значение праздника Обновления Храма. Это был, пожалуй, самый сложный вопрос – я на него ответил с 5 раза примерно. Я разные варианты пробовал, спрашивал в своем храме, никто мне толком не мог ничего сказать, предлагали разные варианты, в том числе и священники. И когда отец Геннадий открыл все ответы, я увидел у одного студента такой даже крик: «Ну не знаю я ответа на этот вопрос!» И, тем не менее, отец Геннадий постоянно нас подбадривал: «Подумайте еще!», давал разные наводки, подсказки. Конечно, это миссионерство, которое требует невероятной отдачи, огромного времени. Заканчивая свое пространное выступление, я хочу сказать, что, конечно, за сетевым обучением будущее! Но только в том случае, если его грамотно рекламировать, рассказывать о нем, целенаправленную политику проводить, тогда сетевое обучение будет популярным и многие через него пройдут.

Свящ. Геннадий Егоров: Спасибо большое. Позвольте мне немного прокомментировать выступление Григория Владимировича. Несколько моментов я хотел бы отметить. Во-первых, тот факт, что если все ответы сделать четко, правильно и быстро, то можно будет потом передохнуть, это тоже, на мой взгляд, один из стимулов к профессионализации. Сделать все профессионально, не в 3 приема, как нехороший студент делает, а сразу. Потом, мне еще очень понравился образ баррикады, который гармонично дополняет мой рассказ про встречу образующего и образуемого. Я не сказал, где они встречаются, а Григорий Владимирович уточнил, что они встречаются на баррикадах. Что-то в этом есть, это неспроста, я думаю, и надо будет творчески осмыслить этот образ встречи на баррикадах.

По поводу упрека, что мы не объясняем человеку заранее, что его ждет. Честно говоря, у нас болит голова об этом постоянно, мы даже исписали весь наш сайт всяческими

страшилками, так что даже один человек на открытом форуме написал примерно так: «не делайте из дистанционного образования триллера!». Но, тем не менее, не получается их достаточно напугать людей, потому что есть достаточно устойчивый стереотип, который этими рассказами не ломается. Поэтому крик «Ой!» все равно сопутствует началу учебного процесса ежегодно.

По поводу дня открытых дверей. Вчера как раз представители Московской духовной академии спросили, нельзя ли им сделать доступ, чтобы они зашли и все посмотрели. На мой взгляд, это примерно то же самое, как если я попрошу – вы можете мне сделать доступ на журфак МГУ, чтобы походить и посмотреть там все, как декан сидит работает и так далее? Это отдельный жанр, который достаточно сложно организуем, чтобы не парализовывал при этом жизни всего факультета. И то он все равно не дает полного представления, примерно как при посещении музея восковых фигур, не дает войти в жизнь, а наша система живая.

На счет журналистов ситуация очень интересная. Во-первых, мы живем по принципу: «имама человека, или не имама». Вот есть у нас Мария Сергеевна – есть администрирование системы, есть Татьяна Владимировна – есть руководство системой, пришла к нам Наталья Андреевна – у нас сразу появились красивые буклетки, блокнотики и т.д. Журналисты пока большой активности не проявили. Взять тот же самый «Нескучный сад». Главный корреспондент «Нескучного сада», как вы знаете, тоже у нас учится. Я его довольно долго агитировал посвятить номер этой теме. Наконец, кажется, процесс пошел, мне позвонила девушка из «Нескучного сада»: «Отец Геннадий, когда Вы дадите нам интервью?», мы договорились, неделя проходит – никаких корреспондентов. Я думаю, ладно, дай сам позвоню, спрошу, что случилось, живы ли все, здоровы. Звоню, а мне говорят: «Вы знаете, для этого номера нам не очень интересно то, что вы делаете, поэтому простите, что я Вас побеспокоила».

Так что, насчет того, что все журналисты сразу начнут писать и говорить о нас... У журналистов тоже есть особый интерес. Вот если бы у нас там что-нибудь происходило, кровь из монитора ручьем бы текла или еще что-то, а так – люди работают, учатся, задания выполняют, тройки получают – ничего такого выдающего. Привлечь внимание журналистов сложно, а собственного центра мы пока еще не вырастили.

Огромная Вам благодарность за увлекательный рассказ, мы с большим удовольствием послушали.

Свящ. Александр Добросельский: Сколько времени требуется учащемуся, чтобы учиться в этой системе? Вы сказали 2 часа в день. Это за компьютером только или с учетом самостоятельной работы? Каждый день?

Прутцков Г.В.: Да, два-три часа - это минимум, на каждое задание дается 3 дня, задание предусматривает примерно пять вопросов, на них надо ответить, причем еще один-два вопроса выносятся на обсуждение, т.е. нужно не просто ответить на вопрос, а высказать свое мнение, сравнить что-то, старое с современным, например. Кроме того, могут быть индивидуальные задания – доклады, рефераты. Я сажусь заниматься, смотрю задания, читаю электронные книги, которые по этой теме рекомендуются, смотрю в них ответы. Если мне что-то непонятно, я пытаюсь в своей библиотеке поискать, в пространствах Интернета посмотреть. После этого я уже начинаю составлять первый ответ, посылаю его. Потом второй, третий и так далее. Все вместе это занимает обычно два-три часа, если все правильно. А бывает часто, что тут же приходит ответ, что это не совсем то, нужно в другой плоскости подумать. Тогда, конечно, растягивается обучение. Объем большой, понимание тем требует времени.

Свящ. Геннадий Егоров: На самом деле не обязательно все это время сидеть у компьютера. Потому что итог работы – это одна страничка текста, набрать все ответы на

тему и разместить в системе, это займет полчаса. За компьютером приходится сидеть, потому что какие-то материалы есть только в электронном виде, а не в бумажном. А основное время тратится на работу мысли, на то, чтобы придумать ответ.

Свящ. Александр Добросельский: А график учебного процесса какой – такой же, как на очном и заочном отделении? То есть каникулы есть, выходные?

Свящ. Геннадий Егоров: Каникулы есть. Выходные, конечно, формально предусмотрены, но ими-то как раз все и пользуются для подготовки ответов, потому что все работают в основном.

Свящ. Александр Добросельский: А сам ответ напечатать и отослать можно только в рабочий день?

Свящ. Геннадий Егоров: В любой день, в любое время суток. Вы же вчера заходили в систему? Наша система доступна в любое время суток. За все время только два раза, когда была какая-то авария на серверной станции, система была недоступна.

Свящ. Александр Добросельский: А занятия в реальном времени как часто бывают?

Свящ. Геннадий Егоров: Это зависит от вкусов преподавателей и от возможностей группы. Кто-то чуть ли не каждую неделю проводит, кто-то раз в месяц. Еще это зависит от фактуры курса, что требуется в нем.

Прутков Г.В.: Еще одно маленькое дополнение. Бытует такое мнение, что студенты очень часто используют шпаргалки. Насколько реально использование шпаргалок в дистанционном обучении? Вчера эта мысль тоже прозвучала, что можно где-то в Интернете посмотреть нужный ответ.

Когда я уже закончил курс Ветхого Завета, получил оценку, мне попалась в Интернете шпаргалка, составленная студентом Свято-Тихоновского университета по курсу как раз Ветхого Завета. Не знаю, вряд ли это было дистанционное обучение, но по всем темам там было написано, что нужно на какой вопрос отвечать. Не очень она мне понравилась, такая немногословная, видимо на тройку шпаргалка. Что касается использования Интернета в режиме ответа на вопросы, то, как вчера было сказано, есть же разные сайты, нужно уметь грамотно посмотреть, а то возьмешь ответ с какого-нибудь баптистского сайта, или атеистического. Так что нужно еще грамотно распорядиться той информацией, которая есть. Кроме того, если это чат-семинар, то практически нереально пользоваться шпаргалками. Все происходит очень быстро, чат-семинар идет, допустим, чуть больше часа. Я помню, что сидел, отвечал, и, пока осмысливал вопрос, мне позвонили в дверь. Я пошел, открыл, закрыл, пришел, и за это время там появилось уже пятнадцать сообщений. Только успеваешь прочесть, осмыслить, а искать что-то в Интернете одновременно нереально.

Свящ. Геннадий Егоров: Есть специалисты. По-моему не из Вашей группы, обсуждали учащиеся, что когда идет какой-то тест или чат, у них четыре открытых панели на экране со всей нужной информацией, и они еле-еле успевают там что-то отыскать. Пользуйтесь, пожалуйста, хорошо.

Еще есть один способ, могу рассказать. Один наш учащийся вопросы, которые были у нас, задавал на другом Интернет-сайте, в разделе «вопросы священнику». И он тому батюшке перезадával наши вопросы. Но, поскольку он ему не говорил, откуда взяты эти вопросы, то ответ шел в другом формате, и я его не принял. А он говорит: «А что, разве тот батюшка не прав?» Я ответил: «Он прав, но он прав в ситуации Вашего с ним диалога, а

не в ситуации нашего с Вами диалога». То есть правильный ответ там стал неправильным здесь. Поэтому что же делать? Переделать ответ, так чтобы он соответствовал. Если можно, Татьяне Владимировне Меланиной, которая как раз является заведующей отделения Интернет-обучения нашего факультета, я хотел предоставить слово, потому что Григорий Владимирович рассказал о своих впечатлениях, а у нас есть достаточная большая подборка отзывов наших учащихся, которая позволяет сделать некоторую систематизацию и выводы. Татьяна Владимировна некоторые из них нам предложит.

Меланина Т.В. Да, мы делаем обобщение, анализ отзывов учащихся. Отзывы не стихийные, а по предложенным вопросам. Это не анкеты в чистом виде, а их отзывы – напишите, что понравилось, что нет, помогло, какие результаты, какие предложения и т.д. Должна оговориться, что это отзывы только учащихся, окончивших курсы «Основы православия», т.к. по программе «Теология» у нас еще не было выпуска, а посередине курса спрашивать отзывы не вполне корректно, не даст полной картины. Курс «Основы православия» сейчас у нас идет 15 недель, и можно чаще делать выборку.

Прежде всего, хочу отметить, что большинство людей, которые приходят к нам учиться, это люди, нацеленные на получение систематических знаний. Они хотят систематизировать те знания, которые были получены ими в результате самообразования. Дистанционное обучение воспринимается потенциальными учащимися, как продолжение самообразования: я, дескать, сам учился, образовывался, у меня возникла в голове некая каша, и я хочу упорядочить эти знания, систематизировать и сложить в целостную картину, для этого я пришел учиться. Автоматизация здесь никакая не поможет. Здесь действительно необходим преподаватель, который помог бы конкретный хаос конкретного человека привести в систему, нужную именно для него.

Самый больной вопрос, который звучит во всех отзывах – это взаимодействие учащегося и преподавателя. Формат, методика общения, методика оценки ответов. Причем разные люди одни и те же качества преподавателя могут оценивать по-разному. Например, кем-то жесткость воспринимается с болью, мол, недостаточно внимания, а другой человек наоборот, пишет, что вот настоящий преподаватель, сделал все как надо.

Многими отмечается оперативность, реакция преподавателя на ответы учащегося, особенно в самом начале обучения. Например, через три-четыре семестра на «Теологии» отсутствие мгновенного ответа преподавателя не так уже болезненно воспринимается, как вначале курса, человек уже переходит в более спокойный режим, более уверен в себе. А вот в самом начале мгновенная реакция преподавателя, и реакция подробная – это то самое, что ждет учащийся от системы дистанционного обучения. Не только оценку, а комментарий, объяснение, что именно не так, и доведение ответа до максимально возможного уровня, получение правильного ответа, оно учащимися очень приветствуется и ожидается. Именно потому, что человек пришел разобраться именно в своих каких-то конкретных вопросах. Конечно, действительно, самоотверженная работа преподавателями учащимися всегда замечается, оценивается. Причем сочетание требовательности и самоотверженности дает самые положительные отзывы и самые лучшие результаты.

К чему я это говорю? Вчера было замечено, что личность при общении через Интернет слабо видна. Но то, что пишут учащиеся про преподавателей и про свои группы, говорит об обратном. Может быть, даже обостряется восприятие человека, сидящего на другом конце провода. Любые нюансы в ответах, любые слова, реплики, брошенные преподавателем, сокурсниками, они все оцениваются, складываются в единую картину, и человек очень четко это отмечает. Даже в отзывах прозвучало такое требование, что преподаватель должен очень внимательно следить за тем, что он пишет, чтобы никого не задеть, не сказать что-либо резкое или двусмысленное.

Таким образом, складывается впечатление, что личность проявляется при такой письменной электронной коммуникации. То же самое касается не только контактов с преподавателем, но и контактов с одногруппниками, хотя на «Основах православия»

групповая работа в таком формате, как на «Геологии», не практикуется (совместные доклады, вопросы для обсуждения), польза групповых заданий в отзывах отмечается. Прозвучал такая фраза: «Нас сплотили чат-семинары». Люди почувствовали друг друга, общность единомышленников, студенческая, если можно так сказать, общность, формируется точно. Несмотря на то, что люди в разных местах сидят, разные часовые пояса, в разное время выходят в Интернет. Общность людей, занятых общим делом, даже, можно сказать, соразработчиков, которые чувствуют друг друга, помогают друг другу, подсказывают друг другу. Никакой индивидуализации не наблюдается, не наблюдается препятствий для общения, если оно востребовано. Даже звучали такие слова, что «учеба - это моя единственная отдушина», «в группе доброжелательная атмосфера, взаимопомощь»

Все это, может быть и не развеивает миф, но, во всяком случае, говорит о том, что традиционное понимание, что при дистанционном обучении отсутствует личностный контакт – оно неверно. Личность проявляется, и личностный контакт присутствует. Очень чувствуется разный уровень подготовки разных слушателей. Поэтому, это одна из наших задач - разделить их, может быть, на «Основах православия» по начальному уровню. Потому что бывали отзывы, что не очень хорошо в группе это выглядит, когда кто-то слишком сильно отрывается от общего уровня, и даже звучало требование, что преподаватель должен пресекать такие выступления, но не знаю, насколько это разумно. Очень интересны ответы на вопрос, каковы основные результаты учебы. Главный вопрос здесь – есть ли внутренние изменения в человеке, или он просто получил какие-то знания. То, что пишут учащиеся, подтверждает первое утверждение, что происходят внутренние изменения. Звучат такие слова: я переосмыслил многие факты своей жизни, ко многому в жизни общественной, в жизни церковной стал относиться по-другому. Мне кажется, что такие оценки возможны только тогда, когда в самом человеке произошли изменения. Говорят, конечно, и о систематизации знаний, о возможности нести эти знания другим людям, о том, что стали себя чувствовать более уверенно. Была даже такая фраза, что «открылась глубина и красота православия», что раньше не представлял, что так интересны богослужения, что так, оказывается, интересен Ветхий Завет, традиционно считаемый чем-то не очень нужным. Уверенная ориентация в церковной жизни, способность к анализу церковной жизни, чтобы отделить какие-то мифы, слухи от чего-то подлинного, и не только для себя отделить, но и возможность объяснить другим. Звучали такие еще отзывы: «получили образцы нового общения», здесь интересный момент. Многие пишут, что, входя в церковь, люди стесняются новой формы общения, не могут сами начать говорить об этом с окружающими, не знают, как подойти, как обратиться, спросить, как новые слова употреблять. Это, наверное, похоже на то, когда человек во взрослом возрасте начинает изучать иностранный язык – заговорить сразу очень тяжело, легче детям заговорить. Может быть, тут тот же эффект, а в письменной форме преодоление этого барьера происходит гораздо легче. Поэтому многие получают пользу от письменного общения. То есть тот самый недостаток, отсутствие личностного общения «глаза в глаза», он в данном случае выступает как достоинство - человеку проще войти в новую среду и начать новое общение. Берут образец у окружающих, говорят, что «учился у одноклассников».

Что можно в результате сказать? Учащийся получает не только набор знаний, систематизацию своих знаний, которые были до того, но и, все-таки, в процессе учебы происходят определенные внутренние изменения. В результате чего, программы ли, усилий ли преподавателя или собственной духовной работы, тут с уверенностью сказать нельзя. Во всяком случае, дистанционное обучение этим изменениям не мешает. Из главных недостатков, которые отмечают очень многие – это темпы и объемы, которые необходимо пройти: очень быстро и очень много. Причем большинство жалоб поступают в первые две-три недели, а вот в отзывах уже закончивших обучение зачастую читаем такие примерно вещи: «Я в начале жаловался, был недоволен, а потом понял, что иначе

было нельзя». Не знаю, что тут играет роль. Толи действительно иначе было нельзя, толи тот, кто дошел до конца – тот справился, а те, кто не справились, может быть, просто перестали учиться... Этот вопрос требует и изучения, и, может быть, доработки. Что тут играет роль? Занятость человека, перегруженность программы, может быть, неготовность к внутренним изменениям... С причиной этого явления надо разбираться. Быть может, какую-то помощь оказывать.

Конечно, среди недостатков отмечаются и задержки с проверкой ответов преподавателя, и не всегда достаточное внимание преподавателя, но мы стараемся это учитывать, сокращаем группы, чтобы преподаватель имел физическую возможность успевать отвечать каждому.

Еще один интересный момент, я бы это назвала «трудности жанра». Люди все взрослые – подавляющее большинство